

ШЕРЛОК
ХОЛМС

N.M.
SCOTT

THE MISSING EARL
AND OTHER
NEW ADVENTURES

A selection of cases published
by arrangement with the estate
of the late DOCTOR WATSON,
M.D.

Short stories

Н.М.
СКОТТ

ШЕРЛОК ХОЛМС

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ЛОРДА ДОНЕРЛИ»
И ДРУГИЕ НОВЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Собрание детективных историй,
публикуемых по завещанию
ДОКТОРА ВАТSONА

Новеллы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

1

ХАВЕРШЕМСКАЯ СОРОКА

Первого января 1890 года мы с Холмсом шагали по Бейкер-стрит со стороны Оксфорд-стрит. Зима выдалась холодной, и обледенелые тротуары, кое-как присыпанные сажей, были предательски скользкими. С неба сыпал снег, дул пронизывающий северный ветер. По другой стороне улицы двигался пожилой джентльмен, и мы не без смеха — ибо смех, как известно, помогает согреться — наблюдали, как он, согнувшись, неловко вертит зонтом, пытаясь укрыться от снежной крупы, летящей в лицо. И вдруг ветер рванул с такой силой, что его зонт развалился надвое. Бедняга остался с голой тростью в руке, а купол поднялся в воздух и перелетел улицу на манер гигантской вороны, где упал и заскользил по льду, как на коньках. Холмс радостно бросился следом, догнал беглеца и дважды энергично топнул по нему ногой — словно хотел убить.

— Благодарю вас, сэра, — пропыхтел владелец зонта, торопливо подходя к нам.

— Ваш зонт нужно сдать в починку, — сказал я, — тут неподалеку, на Уимпол-стрит, есть мастерская. Вы знаете, где это?

— Боюсь, мне придется выбросить его, сэра, — ответил мужчина, осматривая гнутые спицы и порван-

ную ткань. — Но я все-таки очень благодарен вашему другу, ибо мне не хотелось бы отвечать в суде за выбитый по вине моего зонга глаз или того хуже. Кстати, джентльмены, кто-нибудь из вас двоих не проживает случайно поблизости?

— Да, мы оба здесь живем. А что вы ищете?

— Я ищу некоего мистера Шерлока Холмса, — сказал он. — Причем я побывал уже по трем адресам, и все впустую. Нигде его нет!

— Что ж, ваши поиски завершились, — улыбнулся я, — ибо по счастливой случайности Шерлок Холмс — это тот самый джентльмен, который обезвредил ваш зонг.

— Слава богу! — с облегчением воскликнул незнакомец. — Мое имя Реджинальд Кэнти, сэр. Я бывший банковский служащий из Суррея.

— Рад познакомиться, мистер Кэнти, — сказал мой друг, поправляя шарф. — Я с готовностью выслушаю вашу историю. Дело, полагаю, важное, раз вы выбрались из дому в такую непогоду. Мы, кстати, живем по номеру 221б.

Снег как раз повалил гуще, так что мы все сели в кеб и поехали к нам домой.

Кэнти оказался довольно приятным человеком. Его сдержанное достоинство выдавало в нем служащего Сити, ставшего слегка циничным и грубоватым за те годы, что ездил на работу в Лондон и обратно. Твердый взгляд ярко-зеленых глаз и квадратный подбородок говорили о решительности и ответственности в деле банковских операций и балансовых отчетов.

Расположившись в креслах у нашего весело горящего камина, мы приготовились услышать, что заставило мистера Кэнти спозаранок покинуть Хавершем, чтобы искать совета моего коллеги.

— Я приехал по поводу ограбления, что произошло в ночь под Новый год, мистер Холмс, — начал он. — Нет, скорее ограблений. К сожалению, было несколько случаев.

— И жертвой одного стали вы, я полагаю?

— Верно. Хуже того — ума не приложу, как вор мог проникнуть ко мне в дом, а потом выбраться незамеченным. И это еще не все. Утром мой сосед Филип Лэм, управляющий банком, сообщил мне, что ограбили и его дом, равно как и дом напротив — принадлежащий брокеру Стэнли Роджерсу.

— Скажите, пожалуйста, что же было украдено?

— Драгоценности, сэр! У моей жены пропала бриллиантовая диадема, ожерелье из рубинов и несколько колец. Удивительно, что мои личные вещи остались целы. У Лэма и Роджерса та же история.

— Вы заявили о краже в полицию?

— О нет — я не хочу, чтобы наши с женой имена трепали в газетах. Поскольку соседи придерживаются сходного мнения, с посторонними мы это не обсуждали. Вчера вечером мы отмечали праздник. В полночь к нам присоединились слуги, чтобы по традиции выпить за наступающий год. Было без малого два часа ночи, когда жена поднялась в спальню, а я задержался, чтобы напомнить Мэттьюсу — это честный и обязательный человек, из самых надежных, что когда-либо служили у нас, — что на одно окно в оранжерее требуется вторая рама. И вдруг моя жена испуганно закричала.

— А где ваша жена хранит драгоценности?

— В чиппендейловском бюро рядом с туалетным столиком.

— И оно было открыто?

— В том-то и дело! Понятно, что леди встревожится, увидев, что ее бюро взломали. Тогда я, несмотря на жгучий холод, решил осмотреть наши владения, помня о том, что накануне выпал снег. И вот, успокоив жену, я оставил с ней горничную, а сам взял Мэттьюса, собак и фонарь, и мы обшарили весь двор и сад, отыскивая следы вора. Могу вам сразу сказать, что снег на стене, огораживающей сад, был не тронут. Отсюда я сделал вывод, что никто и не пытался вскарабкаться на нее.

— Как проникательно с вашей стороны! — заметил мой коллега, и глаза его лукаво блеснули. Он покуривал трубку, глядя на снежную пургу за окном.

— Знаете, мистер Холмс, поскольку я имею слабость к детективным романам, я и подумал: а почему бы не воспользоваться почерпнутыми из литературы знаниями?

— Вот как? Прошу вас, мистер Кэнти, не томите! Какие следы вы обнаружили на земле?

— Минуточку терпения, я как раз собирался об этом рассказать, — сказал отставной банковский служащий, все больше раздуваясь от переполнявшей его важности и не слыша иронии в голосе моего друга, склонного к юмору и лукавым выходкам.

Наверное, он представлял себе, что идет по стопам Эдгара Аллана По и демонстрирует недюжинную интуицию.

— Снегу навалило, я бы сказал, примерно с фут, и наследили — насколько удалось разглядеть — только птицы и собаки. Дорожки в свете луны выглядели так же, как и накануне. Мэттьюс, я полагаю, несколько раз за последние дни ходил по саду, наполняя кормушки для птиц, да бегали собаки. Вот и все. Я обернулся,

чтобы оглядеть дом. Окна повсюду были в целости. Если вор воспользовался приставной лестницей, то следов ее не осталось. Наша же длинная стремянка была на месте, и никто как будто ее не трогал.

— Дорогой Ватсон! Судя по рассказу мистера Кэнти, нам предстоит сложное расследование. Злоумышленник, воспользовавшись тем, что хозяева увлечены празднованием Нового года, ограбил три дома, стоящие по соседству. Кстати, мистер Кэнти, вы упомянули, что держите собак?

— Мы все держим собак, — не без удивления ответил наш собеседник. — Мой спаниель поднимает лай при малейшем шорохе во дворе, а Лиззи, шотландский терьер, хоть и более спокойная по характеру, но тоже в долгу не останется. У Стэнли Роджерса есть черный лабрадор, а у Лэма — колли.

— Хавершем находится в графстве Суррей, не так ли? — уточнил Холмс. — Много ли поездов прибывает к вам из Лондона в Новый год?

— Как в любой другой день. Поезда идут каждые полчаса с вокзала Виктория через Кройдон. Впрочем, непогода могла нарушить график движения — знаете, стрелки, возможно, замерзли или пути засыпало снегом.

— Тогда, Ватсон, я предлагаю сначала пообедать — миссис Хадсон приготовила великолепное жаркое из дикой утки, — а затем всем вместе отправиться на вокзал Виктория.

Мы прибыли в Хавершем в третьем часу. Поезд и впрямь задержался по вине неисправных семафоров и сугробов на рельсах. Кэнти жил в симпатичном ту-

пичке на окраине Хавершема, неподалеку от гостиницы «Лебедь». Соседями Кэнти был народ состоятельный: банковские служащие на пенсии, биржевые брокеры и люди подобных профессий.

Указывая на дома Стэнли Роджерса и Филипа Лэма, Кэнти заметил, что они построены по проекту чудаковатого шведского архитектора Свенсона, чем объясняется особое стилевое однообразие, которое точнее всего можно описать как сочетание континентального и британского Средневековья. Особняк Кэнти, например, спереди напоминал альпийский охотничий домик с круглыми нормандскими башенками по сторонам, а сзади был традиционно тюдоровским: красный кирпич, фахверк и многостворчатые окна. Впрочем, для Англии это не так уж и нелепо, как может показаться на первый взгляд, ибо благодаря туманам и дождям все контрасты смягчаются, а местный ландшафт имеет шанс сойти за склоны тирольских гор, где пасутся стада и бродят олени.

На заснеженном крыльце нас встретили миссис Кэнти и две собаки. Хозяйка проводила нас в большую просторную гостиную, обставленную удобной мебелью, где за каминной решеткой весело горел огонь. Мы подошли к камину и стали греть озябшие руки.

— Спасибо вам, что согласились приехать, — сказала миссис Кэнти. — Мои безделушки, допустим, задорого не продашь, но я к ним очень привязана. А Глория Лэм просто в отчаянии: у нее пропало бриллиантовое кольцо — подарок мужа на помолвку, и рубиновые серьги, что достались ей от матери. Странно, что вор не удостоил вниманием бумажник мистера Кэнти, его золотые часы и запонки. Да и дорогая посуда в соседней комнате осталась на месте.

Улыбнувшись, Холмс раскурил трубку, бросил спичку в камин и стал смотреть на пляшущие языки пламени.

— Я, кажется, догадываюсь, в чем тут дело, сударыня, — сказал он. — Наверное, его интересуют только драгоценные камни.

— Не знаю, что и сказать, мистер Холмс. — Женщина взяла на руки терьера и любовно погладила по голове.

— Наверное, это вор из породы сорок, — предположил я, — они любят все блестящее.

— Да, подходящая характеристика, мой дорогой Ватсон. — Холмс выбил трубку о каминную решетку и повернулся к Реджинальду Кэнти, который сидел у огня и внимательно слушал нашу беседу. У его ног лежал, свернувшись, золотистый спаниель. — Можно мне взять вашу лестницу? На полчаса, не долее.

— Лестницу?

— Ну да. Я хочу взобраться на крышу. А вы, Ватсон, составите мне компанию?

— Разумеется, — ответил я и стал натягивать перчатки.

— Сейчас я велю Мэттьюсу ее принести. — Кэнти позвонил в колокольчик.

— Отлично! Мы начнем с дома вашего соседа Лэма, а затем вернемся к вам.

Трудясь над проектом этого дома, архитектор Свенсон воплощал идею простоты и практичности, и в результате его детище — не в пример дому Кэнти — можно было принять за будку таможенника где-нибудь на швейцарской границе. На крыше помещалась высокая платформа, предназначавшаяся для обсерватории, которую так и не построили по причине до-

роговизны и протестов со стороны местного населения. Под козырьком на крыльце висели длинные сосульки, в свете нашего фонаря снег блестел, точно шлифованные алмазы, ибо мороз к вечеру крепчал.

Филип Лэм сам открыл нам дверь. Это был высокий жилистый человек в халате и очках, с зачесанными назад седыми волосами. Его выпуклые глаза над большим орлиным носом внимательно уставились на нас.

— Мистер Шерлок Холмс, если не ошибаюсь?

— Именно так, сэр. А это мой коллега, доктор Ватсон. Говорят, ваша супруга тяжело переживает случившееся?

— Не то слово, сэр. Входите, пожалуйста. Жена сейчас в музыкальной комнате, не будем ее беспокоить. Вы, наверное, хотите осмотреть спальню? — Он с подозрением взглянул на Мэттьюса, державшего лестницу.

— В этом нет необходимости, мистер Лэм. Однако мне хотелось бы осмотреть крышу дома. Вы позволите?

— Крышу? — отчего-то изумился Лэм.

— Ну да. Для этой цели ваш сосед мистер Кэнти согласился одолжить нам свою лестницу.

— Неужели вы думаете, мистер Холмс, что вор взобрался ко мне на крышу по стене дома, точно муха или другое насекомое?

— Сомневаюсь, что преступник обладает способностью на время превращаться в муху, однако он несомненно обладает извращенным умом. Кстати, сэр, на вашем месте я бы закрыл дверь. Такой сквозняк, что недолго простудиться и умереть.

Лэм поправил очки, удивленно и неуверенно посмотрел на моего друга и захлопнул дверь. Мы без

промедления двинулись на задворки, где Мэттьюс установил у стены лестницу.

— Похоже, мы напрасно это затеяли, Ватсон, — сказал Холмс, поглядев наверх. — Взгляните — снег на карнизе и балках лежит ровным слоем.

— В темноте не разберешь, — заметил я.

— У меня при себе ручной фонарь, сэр, — сказал Мэттьюс, — прихватил на всякий случай.

— Вы просто гений, Мэттьюс! — Холмс взял у него фонарь и стал карабкаться вверх по лестнице.

Когда я наконец я добрался до верха и перелез через парапет, то не сразу сумел разглядеть в темноте склоненную фигуру Холмса, который изучал снег в лупу. Фонарик освещал лишь его орлиный профиль.

— Ввиду отсутствия ватерпаса, Ватсон, скажите мне: что вы думаете о чердачном окне?

— Что тут можно сказать? Створки прилегают неплотно.

— Именно! А рама едва держится в проеме, и выставить ее при помощи стамески не составит труда. Да и раствор, видимо, был плохо приготовлен — смотрите, ведь он крошится.

— Да уж! Благодаря мастерству британских строителей воры-домушники в наши дни могут обойтись без стеклореза — ведь можно легко вынуть целое окно, вместе с рамой и стеклами.

— А затем вставить обратно. Именно таким образом вор и проник в дом, Ватсон. Но я все-таки не понимаю, как ему удалось забраться на крышу.

Вдруг озадаченное лицо Холмса радостно просияло. Он подбежал к парапету, смахнул рукой свежий снег, сгреб что-то в кулак и сунул в карман.

— Ха, Ватсон! А наш парень — не простая сорокаворовка.

— Пора бы подрезать ему крылышки, — пробормотал я.

— Да, давайте спустимся и поищем его гнездо, ибо я уверен, что пропавшие драгоценности находятся там.

Когда мы спустились на землю, Мэттьюс убрал лестницу, и мы все вернулись в дом Кэнти, где хозяева и их собаки с нетерпением ожидали нас.

— Вы знакомы с полковником Брэдсток-Хьюмом? — Холмс протянул к огню озябшие руки.

Кэнти помолчал, задумчиво раскуривая сигару.

— Вы имеете в виду того инженера, что руководил строительством моста в Линхэме?

— Да, его самого.

— Нет, лично не знаком, хотя он местная знаменитость. Он живет в Рэдстоне, в старом поместье Комптон-Холл. Это несколько остановок на поезде от Хавершема.

— Понятно. Мне хотелось бы навестить этого полковника Брэдсток-Хьюма.

— Боюсь, что вы не застанете его дома, мистер Холмс. Он уехал в Тунис строить какую-то дамбу.

— А в Рэдстон часто ходят поезда?

— Каждый час до полуночи, но я уверяю вас, мистер Холмс, что вы только зря потратите время, ибо согласно «Суррей газетт», полковник будет в отъезде еще несколько недель.

Когда мы прибыли на станцию, поезд в Рэдстон стоял у платформы. Мы едва успели купить билеты и сесть в вагон, как поезд тронулся.

— Ради бога, Холмс, — сказал я, когда мы закурили, — объясните, при чем здесь полковник Брэдсток-

Хьюм. Или вы полагаете, что преступник прячет награбленное у него в поместье? Если это так, то будь я проклят, если понимаю, как вы до такого додумались.

— Меня интересует сам полковник, Ватсон. Он заданный спортсмен. Помнится, я даже читал о его достижениях в «Телеграф».

— Неужели он разорился и вынужден заниматься грабежами? За свой ночной улов он сможет выручить всего несколько сотен фунтов — да и то, если повезет.

— О нет, он вполне состоятельный человек.

— В таком случае каковы же его мотивы?

— Элементарно, мой дорогой Ватсон. Полковник решил, что сможет совершить идеальное преступление и остаться безнаказанным. Однако напрасно он на это надеется!

Выйдя на станции Рэдстон, мы первым делом узнали у носильщика, как добраться до Комптон-Холла. Он указал нам дорогу, уходившую вниз с крутого холма, точно белая блестящая лента. Все вокруг оледенело, над заиндевевшими тротуарами застыли изогнувшиеся под тяжестью снега деревья. У подножия холма мы увидели большой загородный дом — частично скрытый за деревьями, — чьи фронтоны мягко поблескивали в свете луны. Это и был Комптон-Холл — резиденция полковника Брэдсток-Хьюма.

Мы отворили калитку и двинулись по аллее к дому. Тут же впереди вспыхнул свет, и на крыльце возникла темная фигура человека, державшего над головой фонарь. В лесу за парком закричала сова, раздался тихий свист, и я инстинктивно выхватил револьвер, который всегда ношу с собой после службы в армии,

ибо из темноты на нас неожиданно выскочили два огромных свирепых добермана.

— Ко мне, Рекс! — хрипло позвал человек на крыльце. — И ты, Солтер! Ко мне, сейчас же!

Собаки послушно затрусили на зов хозяина, без сомнения обрадовавшись возможности не связываться с чужаками.

— Эй, вы там! — закричал человек, явно имея в виду меня. — Вы нарушили границы частных владений. Немедленно уходите и уводите с собой вашего спутника.

— Полагаю, я имею честь разговаривать с полковником Брэдсток-Хьюмом, владельцем имения? — как ни в чем не бывало осведомился Холмс.

Полковник, помедлив, грузно шагнул с крыльца нам навстречу. Собаки крутились у его ног, зыряка злыми блестящими глазами.

— Прошу прощения, джентльмены, — он протянул руку, — сначала я принял вас за грабителей, что покушаются на мое имущество. Однако я вижу вас впервые в жизни. Вы, наверное, насчет стамбульского контракта?

— Нет, мы пришли выяснить кое-что в связи с ограблением в Хавершеме, — без обиняков заявил Холмс.

Инженер буквально открыл рот от удивления. Он постоял, глядя себе под ноги, а потом еле слышно пробормотал:

— Значит, вы из полиции?

Холмс нарочно медлил с ответом, лишь язвительно улыбался, позволяя Брэдсток-Хьюму помучиться от страха и сознания своей преступной тайны. По истечении некоторого времени он ответил:

— Нет!

На лице инженера отразилось огромное облегчение.

— Сегодня чертовски холодно, — сказал он, — идемте, погреемся у огня.

Мы поднялись на крыльцо по заснеженным ступеням, вошли в дом и попали в просторную теплую комнату, обшитую дубовыми панелями, где стоял терпкий сигарный дух. На столе лежали разнообразные схемы и чертежи, нужные хозяину в работе. Осторожно ступая среди рулонов чертежной бумаги, справочников и прочих предметов, что валялись на полу, мы добрались до камина и уселись на стулья по обе его стороны. Полковник налил нам виски с содовой и расположился в кресле против огня, а собаки легли у его ног.

— Как видите, джентльмены, — начал он, — я увлекаюсь сборкой разнообразных механизмов. — В стеклянных шкафах у стен и впрямь можно было видеть какие-то модели. — У меня есть работающие копии первого американского локомотива и пожарной машины. Я собираю их своими руками и демонстрирую на выставках. Опустите в щель один пенни, и колеса завертятся, а поршневой шток начнет двигаться вперед-назад.

Рекс и Солтер лежали, растянувшись на большом турецком ковре, и смотрели на хозяина мрачными глазами, поблескивающими в свете пламени.

— Весьма оригинально, — заметил Холмс, — но у меня нет при себе мелочи. Кроме того, в настоящий момент меня занимают более важные дела.

— А как вас зовут? — спросил полковник.

— Я Шерлок Холмс, а это мой коллега доктор Ватсон.

— Хотелось бы знать, мистер Холмс, зачем вам понадобилось приезжать ко мне в эту морозную ночь и

тратить свое — да и мое — время на обсуждение краж в Хавершеме.

— Краж? Разве я упоминал о кражах? Я говорил об одной, — лукаво улыбнулся Холмс.

— Ах да, я прочитал что-то в «Ист Суррей кро-
никл», — отмахнулся полковник.

— А разве не в «Суррей газетт»?

— Да, конечно!

— Что ж, весьма странно, потому что это происшествие намеренно держат в секрете, и ни один газетчик пока не в курсе случившегося. Давайте не будем ходить вокруг да около, полковник Брэдсток-Хьюм. Я приехал в Комптон-Холл, потому что знаю, что вы вор, — ладно уж, признайтесь. Вы уже совершили роковую ошибку, и вам не отвертеться.

— Глупости! — воскликнул полковник с раздражением, но ничего другого сказать не успел, потому что Холмс поднял руку, отменяя все его возражения:

— У меня есть улика, которая полностью вас изобличает!

Он встал, подошел к полковнику, вынул что-то из кармана и показал. На ладони у него лежал бурый ком мокрого песка. Холмс стал осторожно просеивать песок меж пальцев, делая дорожку на подлокотнике кресла, в котором сидел Брэдсток-Хьюм.

— Отличный балласт, не правда ли, полковник?

Бравый солдат побледнел и вжался в кресло.

— Один из ваших мешков, наверное, прохудился, когда вы совершали посадку на площадку для обсерватории. Подойдите сюда, Ватсон, я хочу вам кое-что показать.

Холмс взглядывался в темноту за окном. Я встал, подошел к окну и тоже стал взглядываться. В парке

позади дома я с удивлением рассмотрел воздушный шар — тугие канаты удерживали его на крючьях, вбитых в землю, а из корзины свешивались мешки с песком.

— Потрясающе! Будь сейчас жив Чарли Пис, он сыграл бы для вас на скрипке, полковник!

— Я рад, что смог доставить вам такое удовольствие, мистер Холмс. Похоже, моя маленькая воздухоплавательная вылазка закончилась неудачей, но будь я проклят, если не встретил в вас равного себе. Скажите, сэр, мне готовиться к переезду в тюрьму или мы сможем договориться? Я бы возместил вам все расходы. Я достаточно состоятельный человек и не обижу ни вас, ни вашего друга.

— В этом нет необходимости, полковник. Насколько я понимаю, вы знакомы со скандинавским архитектором Фредериком Свенсоном?

— Понимаю, куда вы клоните, мистер Холмс. Да, он порой просит у меня совета, когда возникают проблемы с осуществлением его сложных и дерзких по стилю проектов.

— Насколько я помню, вы сотрудничали с ним при возведении оперного театра в Хельсинки, который потом много критиковали.

— У Фреди есть бунгало в западной части озера Утсйоки, и когда мы работали над проектом театра, он пригласил меня там остановиться, зная, что я обожаю финскую баню. И вот однажды, вылив ведро воды на раскаленные камни, он и спрашивает: «Ты слышал о моих проектах в Хавершеме?» Я говорю, что живу по соседству и читал об этом в местной прессе. Тут-то он и похвастался, что три дома, которые он проектировал, построены так, что вору туда

забраться невозможно, ибо он применил там особую конструкцию ставен, замков и запоров, изготовленных по его чертежам. Я возразил тогда, что не стоит недооценивать изобретательность английских преступников, чей девиз «Было бы желание, а возможность найдется», и, будучи закоренелым честолобцем, увидел в этом достойный вызов. Мы заключили пари, причем он предложил очень высокую ставку, утверждая, что никто не сможет обворовать эти дома. И я приступил к подготовке.

Первым делом я съездил в Гилдфорд, где находится фирма «Уайт и Перри», что устанавливала эти замки и ставни, и получил кое-какую информацию. Перри, кстати, мой сосед. Мы сели с ним, раскурили трубочки, он показал мне планы и признался, что из экономии и желания получить выгоду строители — помимо всего прочего — не сделали ставни на чердачные окна, да и рамы, насколько он помнит, установлены кое-как. По его словам, при такой высоте зданий это не имеет значения. Но как потом оказалось, это обстоятельство вкупе с пологой крышей и наличием платформы для обсерватории значительно облегчило мою задачу.

Понятно, что Свенсону не хотелось расставаться с деньгами, и потому он поставил два практически невыполнимых условия: кража должна состояться в то время, когда хозяева находятся дома, и обворовать необходимо все три дома разом. Чем больше я думал об этом, тем меньше надежд у меня оставалось, и, наконец, мне пришло в голову использовать мой воздушный шар. Воздухоплавание всегда было моей страстью, и я решил, что попытаюсь, пролетев над вершинами деревьев, сесть на платформу для обсерватории, а за-

тем переберусь на соседние крыши. И вот в конце декабря я телеграфировал Свенсону, приглашая его к себе на Новый год, дабы он сопровождал меня в моей преступной вылазке и воочию наблюдал все мои действия. А сегодня утром он уехал — поджав хвост, поскольку в результате своего проигрыша лишился семи сотен фунтов! Но зато приобрел большое уважение к англичанам, коего не ведал ранее.

— Полагаю, вы собирались повторить свою вылазку, чтобы вернуть похищенные драгоценности?

— Не совсем так. Если бы я снова поднялся в воздух, это стало бы моим сотым полетом, и из некоторого суеверия я решил не рисковать, но приземлиться на лугу неподалеку от нужной мне улицы и идти туда пешком. Три свертка с украшениями я хотел оставить на пороге каждого дома, чтобы утром их обнаружили владелицы.

— Пусть я восхищен вашей отвагой и находчивостью в стремлении совершить идеальное преступление, но ваша черствость и пренебрежение чувствами других людей просто возмутительны.

— Выходит, вы сдадите меня в полицию, мистер Холмс? — Полковник помрачнел, впервые, наверное, осознав всю серьезность своего положения.

— Нет, но вам придется объясниться, когда мы вернемся в Хавершем, потому что дамы, и только они вольны казнить вас или миловать, полковник Брэдсток-Хьюм!

— Что ж, очень хорошо, — нахмурился он, — я согласен предстать перед судьями в чепцах, ведь такой суд куда лучше официального.

— Возврат похищенных драгоценностей, а также щедрое пожертвование в любимую благотворитель-

ную организацию, возможно, заставят их смилостивиться. Разумеется, мы с доктором Ватсоном лично препроводим вас на слушание вашего дела.

Полковник, кажется, повеселел.

— Давайте лучше поедем на поезде. Следующий отходит через десять минут.

— На поезде! — язвительно повторил Холмс. — Вы меня разочаровываете.

— Ах, вы желаете с высоты полюбоваться этим старым торговым городишком? — добродушно рассмеялся полковник. — Что ж, ничто не сравнится с полетом на воздушном шаре. Кстати, эффект, который оказывает воздухоплавание на организм человека, в особенности благоприятен для органов пищеварения, доктор Ватсон!

Мы забрались в корзину, поднялись в воздух и четверть часа плыли в воздушных потоках, пока не настало время спускаться. Когда мы приземлились на лугу, мне стало жаль, что наш полет завершился так скоро, ибо вид, что открывался с высоты на сурреалистические холмы с ночными огоньками, горевшими точно алмазы, был поистине великолепен.

2

ХИРУРГ-ЛОВЕЛАС

В десятых числах ноября 1895 года я неожиданно повстречал своего друга Шерлока Холмса, которого не видел уже давно. Мы оба оказались на концерте из произведений Мендельсона, проходившем в зале Уигмор-Холл. Холмс сидел прямо за моей спиной. Похлопав меня по плечу, он в самых теплых выражениях предложил мне на три дня передать практику в Паддингтоне одному из коллег и переехать на Бейкер-стрит, потому что ему требуется помощь.

Погода той осенью была особенно мерзкая и туман густой как никогда. Улицы города накрыла темная, непроницаемая пелена, опасная для жизни и здоровья горожан. Как раз в то утро я осматривал одного беднягу — клерка с Треднидл-стрит, — который получил серьезные увечья, угодив под колеса экипажа. Причем случилось это в каких-то ста ярдах от моего порога.

На следующий день я снова сидел у камина в знакомой уютной комнате на Бейкер-стрит и покуривал трубочку. Я уже знал, что мой коллега с головой поглощен расследованием недавних преступлений, которые шокировали весь Лондон. Он указал мне на стопку смятых утренних газет, убрал с каминной полки свою персидскую туфлю и набил трубку табаком.

— Дорогой Ватсон, вы, разумеется, успели прочитать газеты. И что вы на это скажете?

— Могу сказать, что это просто чудовищно, — ответил я. — Однако меня возмущает, что по прихоти издателей с Флит-стрит, желающих увеличить тиражи, к этому маньяку приклеилась кличка Хирург-ловелас.

— Что ж, у человека вашей профессии подобные прозвища должны вызывать раздражение, — поддержал меня Холмс. — Тем не менее оно подходит ему как нельзя лучше! Если вы помните, первой его жертвой стала мисс Аделина Пардоу, фрейлина графини Роксбро — этой старой деспотичной законодательницы моды. В ее салоне на Чейн-Уолк кого только не повстречаешь — у нее собирается весь цвет лондонского общества, и мне кажется, что особенно любят наезжать к ней поэты и литераторы всех мастей. Ну так вот, проведя вечер с подружкой — дебютанткой Люсиндой Уэллс, которая живет в прекрасных апартаментах на Слоун-стрит в Белгрейвии, — мисс Пардоу решила прогуляться по набережной Челси. Было уже темно, к тому же спустился туман, одним словом, далеко она не ушла. Кто-то подскочил сзади и прижал к ее лицу носовой платок. По словам самой мисс Пардоу — а перед смертью она успела дать показания, — она почувствовала резкий, удушающий запах. В первое мгновение ей стало дурно, но затем ее охватила эйфория, и она даже стала напевать какую-то популярную мелодию, слышанную в мюзик-холле.

Я невольно рассмеялся:

— Да, известны случаи, когда женщины пели под наркозом на операционном столе. Эфир или хлороформ способны вызвать эйфорию. А что до мисс Пардоу, то на рассвете ее нашел констебль — лежа-

щей без сознания на скамейке у Кингс-Роуд. Оказалось, что ей ампутировали ногу! Причем обрубок был профессионально забинтован, а сверху надета шелковая подвязка — из тех, что джентльмен может подарить подруге или любовнице.

— Однако согласно заявлению ее личного врача, у нее не было проблем с ногами. Кровообращение было в норме. Он утверждал, что ни опухолей, ни повреждений, ни гангрены или дефектов костной или других тканей ему наблюдать не приходилось. Попросту говоря, мой дорогой Ватсон, ей отрезали ногу за здорово живешь! В то же утро она скончалась — ее хрупкое тело не справилось с шоком и потерей крови. Больница направила соответствующее уведомление в Скотленд-Ярд. Неизвестно, где производилась ампутация, но осуществлявший вскрытие судебно-медицинский эксперт высказался в том духе, что работа высший класс.

— Может быть, это проделки какого-нибудь студента-медика? — спросил я.

— Все может быть. — Холмс зажег трубку и вытянул ноги к очагу. — Так или иначе, следующей жертвой опять стала фигура заметная — не кто иная, как леди Стокер-Брант, дальняя родственница королевы и вдова знаменитого альпиниста и военного историка генерал-майора сэра Джеймса Артура Стокер-Бранта. По странному стечению обстоятельств она также проживает на Чейн-Уолк! Но сейчас она лежит в больнице Святого Георгия, потому что ее изувечили так же, как и ее предшественницу! Не найдется ли у вас пары свободных часов, Ватсон? Если вы не прочь, предлагаю съездить в больницу и поговорить с ней.

* * *

Когда мы вошли, в палате находились личные врачи леди Стокер-Брант — сэр Артур Ньютон и доктор Периголд-Макфарлен. Мой коллега — невзирая на обстоятельства — не пренебрег этикетом и приветствовал знатную даму, как принято при дворе. Вытянувшись перед ней по стойке смирно, он снял шляпу и коротко поклонился. Затем он сел на стул у ее кровати, чтобы задать ей несколько вопросов.

— Скажите, пожалуйста, почему вы шли по набережной в столь поздний час?

— Потому что мне хотелось подышать свежим воздухом, сэр! Таков мой обычай. Хорошо, что я живу у реки.

— Но вам было известно о преступлении, которое произошло несколькими днями ранее именно на этом участке набережной?

— Графиня Роксбро, дом которой находится по соседству, упоминала о нем в нашем разговоре, но я лично не знакома с этой Аделиной Пардоу.

— Вам не было страшно?

— Ничуть!

— И вы отправились на прогулку одна?

Леди Стокер-Брант кивнула.

— Мистер Холмс, мне никогда не приходило в голову, что этот Хирург-ловелас — или как его там — может питать интерес к людям моего класса, — без обиняков заявила она, гордая своим титулом и положением в обществе. — Слуги — это другое дело, мистер Холмс! — Едва ли фрейлины представляют низшее сословие, но мой друг, понятно, предпочел с ней не спорить. — Знаете, в темноте и тумане было очень плохо видно. Я пересекла Гросвенор-Роуд и пошла по

набережной. Все случилось не далее чем в ста футах от моего дома. Помню, на мосту Баттерси горели огни, мимо проплывала баржа — и там горел сигнальный фонарь. Я все время смотрела на реку.

— Вы не слышали чего-нибудь подозрительного? Шаги, например? — спросил я.

Леди Стокер-Брант обратила на меня пронизательный взгляд своих фиалковых глаз, и я ощутил трепет, какой способны вызвать в собеседнике лишь представители старой аристократии.

— Я слышала голос... Это был мужчина... Кокни!

Холмс, который во время разговора едва сдерживался, чтобы не рассмеяться, тут не выдержал и усмехнулся:

— Ну да, конечно! Кто же, если не кокни! — Он хлопнул себя по колену.

— Я рада, что вас позабавили мои слова, мистер Холмс! — холодно заявила леди Стокер-Брант. — Кроме того, я расслышала имя Генри Грей или что-то в этом роде. Я точно не помню, но мне кажется, что это было, когда я переходила дорогу. — Она вздохнула и приложила ко лбу платок, смоченный одеколоном.

Холмс вскочил, подхватил свою шляпу и раскланялся:

— Премного благодарен, ваша светлость! Идемте, Ватсон, пора приниматься за дело.

— Поймайте этого злодея, мистер Холмс, — на удивление бесстрастно попросила леди Стокер-Брант. — Сейчас мне колют морфий, оберегая мои нервы, но ведь я понимаю, что до конца жизни обречена ездить на инвалидном кресле или ковылять на костылях. Я этого не переживу!

Мы тряслись в тарахтящем кебе по Слоун-стрит, вдоль сплошных фасадов из красного кирпича, скрытых сейчас за бурым туманом, и вяло переговаривались.

— Мы хотя бы знаем, что это кокни, — заметил я.

Холмс глядел в окно, по-детски подтянув колени к подбородку. Однако мысли его были заняты вовсе не уличным движением.

— Сомневаюсь. Дабы изобразить выговор кокни, особые способности не требуются, Ватсон! — Сказав так, он надолго замолчал.

А я мрачно думал о том, что по вине этого извращения доверие общества к людям нашей профессии, в котором мы всегда так нуждаемся, теперь надолго подорвано!

Выйдя на углу Флуд-стрит, мы перешли на другую сторону и последовали по маршруту леди Стокер-Брант. Оказалось, что у реки туман рассеивается. Впереди открылась приятная перспектива Чейн-Уолк. Особенность этого района такова, что хозяева каждого из милых особнячков могут наслаждаться уединением, живя при этом почти в центре города. Окна уютно светились в свете газовых фонарей. Слева протекала Темза, впереди высился мост Баттерси, вдоль противоположного берега тянулись складские ряды, у причалов сновали торговые суда с грузами. А за мостом открывался более широкий участок реки, где на мелководье стояла парусная баржа и множество плавающих домиков, один из которых привлек внимание моего друга. Он вскочил на парапет набережной и стал пристально разглядывать заинтересовавший его предмет. Вдруг его губы скривились в улыбке, он мрачно усмехнулся и воскликнул:

— А ведь это рифма! — Спрыгнув на землю, Холмс распорядился: — Стойте здесь, я скоро вернусь.

Затем он сбежал по ступеням к воде и, прыгая с камня на камень, добрался до судна, чтобы взглянуть на него поближе.

Должен сказать, что этот плавучий дом представлял собой унылое зрелище, ибо весь его корпус, выкрашенный белой краской, некогда, должно быть, блестящий и нарядный, теперь был изъеден ржавчиной и покрыт водорослями. На крыше кабины торчала простая дымовая труба. Словом, при взгляде на это сооружение невольно возникал недоуменный вопрос: что это — дом или лодка?

Я зажег сигарету и стал смотреть на стальной барк, что грациозно скользил мимо в сопровождении флотилии, которую составляли баржи и шаланды.

— Да там, кажется, давно никто не живет, — сказал Холмс, возвращаясь на набережную. — А вы видите название?

— Ну да, «Пендрил Гей», — ответил я.

— И что из этого следует?

— По-моему, ничего особенного. Лодку, наверное, назвали в честь некоей птицы, что встречается в местных болотах. Чтобы узнать точнее, необходимо проконсультироваться у специалиста по пернатой дичи, — шутливо отвечал я.

— А вам не кажется, Ватсон, что «Пендрил Гей» звучит почти как Генри Грей?

— Ну да, некоторое звуковое сходство имеется, — согласился я.

— Скажете тоже — некоторое звуковое сходство! — воскликнул Холмс, ударяя тростью о землю. — Да ведь на слух и не различишь! Спутать их проще про-

стого. Вот, взгляните. — Он сунул мне в руки листок, вырванный из блокнота. — Я переписал объявление о продаже, что висит на двери кабины.

Я расправил листок и прочел:

— «Продается лодка «Пендрил Гей». С просьбами о сдаче внаем не обращаться. Владелец в настоящее время проживает во Франции. Для справок: Александр Лавсэй и К°, нотариус. Хай-стрит, 29, Баттерси. Июль 1893 г.».

— А сейчас уже 1895-й. Видимо, покупателей так и не нашлось. Лодку, похоже, изредка подкрашивают и шмолят, но в общем она постепенно разрушается, стоя на приколе. Думаю, владелец с нотариусом давно о ней забыли.

Теперь мы вдвоем спустились на заболоченный берег и поднялись на борт.

Пока я оглядывал иллюминаторы и световой люк на крыше, ища способ пробраться внутрь, Холмс, обладающий криминальным талантом, быстро решил проблему.

— А замок-то недавно меняли, Ватсон, — заметил он, вынимая из кармана перочинный нож и вставляя его в замочную скважину.

Раздался щелчок пружины, дверь на шарнирах откатилась, и мы осторожно спустились по приставной лестнице вниз, где густо пахло смесью мыла, керосина и табака.

Обстановка оказалась весьма скромной. У стен, обитых деревом, располагались мягкие откидные сиденья. В дальнем конце помещения была печь с трубой и складной столик для умывальных принадлежностей, а посередине стоял длинный стол под керосиновой лампой. Заметив, что одна из дере-

вянных панелей стены сдвинулась, я попробовал снять ее, и мне это удалось. В стене обнаружилась ниша.

Холмс, который ворошил тростью серую золу в печи, оставил свое занятие и подошел ко мне. Надо сказать, что я не менее своего коллеги надеялся обнаружить что-нибудь ценное в плане расследования, но этой находке я не обрадовался, а ужаснулся, ибо увидел хирургическую пилу, которую Холмс осторожно вынул из тайника, стараясь не задеть острого зубчатого лезвия. В тусклом свете, проникавшем в кабину через люк на крыше, на ручке из панциря черепахи явственно читалась золотая буква «М». Когда я сунул руку в нишу, чтобы проверить, нет ли там еще чего-нибудь, то нащупал картонную коробку без крышки. Внутри лежало несколько скальпелей, бинты и иглы.

— Мы, кажется, забрели в его логово, — поешился я.

Сложив все обратно и вернув на место панель, мы напоследок еще раз огляделись и поспешили оставить «Пендрил Гей», пристанище безумца, проводящего тут свои жуткие опыты.

— Что нам теперь делать, Холмс? — спросил я.

— Ваша старая адресная книга оказалась бесценной, Ватсон, ибо я нашел там всех врачей, живущих либо имеющих практику близ набережной. Среди них числятся, насколько я помню, доктор Минтон, доктор Мэдден и доктор Малбери. Я взял на себя смелость составить список.

— Так нам предстоит обойти весь Челси? — удивился я, чувствуя, что меня совсем не увлекает такая перспектива.

— Знаю, что это нелегко, но надеюсь, нам повезет и круг подозреваемых быстро сузится! — отвечал Холмс.

К шести часам вечера мы посетили не менее чем десять адресов, навестив в том числе доктора Митчелла, доктора Джозефа Монтегю (который оказался доктором философии!), доктора Персиваля Мэддена и доктора Джулиуса Марша, но никто из них не вызывал подозрений. Признаюсь, к тому времени я порядком утомился от этой бесполезной, как мне представлялось, затеи и мечтал только добраться до Бейкер-стрит и вкусно поужинать в уютной обстановке.

Очередной адрес привел нас к красивому георгианскому особняку с белым оштукатуренным фасадом, подъемными окнами и черными чугунными перилами. Дом на Элм-Парк-Роуд принадлежал доктору Теодору Морфиусу, консультанту Королевского лондонского госпиталя и кандидату в члены парламента.

Когда Холмс позвонил, дверь открыла экономка — полногрудая женщина по фамилии Стивенс.

— Доктор Морфиус сейчас в больнице на консультации, — сказала она, — и вернется не скоро.

— А вы не могли бы припомнить, где был доктор Морфиус в прошлую среду примерно с девяти до двенадцати часов вечера? — спросил Холмс.

— Нет ничего проще, — раздался голос из глубины прихожей, и на крыльцо вышел высокий смазливый молодой человек в щегольском сюртуке, бриджах и гетрах.

Его сигарета распространяла в воздухе экзотический аромат. Мне показалось, что он поглядывает на

нас с высокомерием или даже пренебрежением. Неторопливо затянувшись, он облокотился о перила и продолжил:

— Во второй половине дня доктор Морфиус работал у себя в кабинете, а вечером отправился в клуб «Беркли». Адрес, я полагаю, вам известен. Доброй ночи, господа!

Холмс повернулся было, чтобы уйти, но внезапно передумал, остановился и холодно произнес:

— Я смотрю, вы не позаботились почистить туфли. Вы, наверное, лакей доктора Морфиуса?

Молодой человек, по-видимому жестоко оскорбленный этим предположением, сжал кулаки и со злостью выкрикнул:

— Да как вы смеете разговаривать со мной в подобном тоне? К вашему сведению, я сын доктора Морфиуса! А теперь прошу вас немедленно удалиться, иначе я спущу собак!

Мы поняли, что наш визит окончен и результат его — мое раздраженное ворчанье.

— Задать бы этому наглецу хорошую трепку, — говорил я, ища в карманах пальто сигару, когда мы шли по Элм-Парк-Роуд.

— А вы, кстати, заметили, какой марки сигареты он курит? — спросил мой друг.

— Какие-то турецкие — больно запах необычный.

— Нет, это египетские, марка «Сотня». Они продаются только в одной табачной лавке — у Луиса, что на Бродвее в Вестминстере. И они стоят того, чтобы ездить за ними в такую даль.

Мы остановились под фонарем, я закурил сигару, а Холмс достал из кармана окурочек, который выудил из печи в «Пендрил Гей».

— Взгляните, — сказал он, поднося окурочек к свету. — Что вы на это скажете?

— Неужели это сигарета той самой марки?

— Нет, я о другом. Вы не обратили внимания, как он держит сигарету? Я, например, заметил, что он нервно царапает бумагу ногтем, а здесь — посмотрите — такие же отметины.

— Поразительная наблюдательность! — воскликнул я.

— Полагаю, мы должны сообщить об этом инспектору Лестрейду — пусть запрашивает ордер на обыск в доме.

— Но для обыска необходимы веские улики, — заметил я, зябко потирая руки, ибо к ночи сильно похолодало.

— У меня они есть, Ватсон! — заявил Холмс. — Можете не сомневаться.

С этими словами он остановил кеб и велел извозчику ехать на ближайший телеграф, откуда мы послали телеграмму в полицию.

В восьмом часу инспектор Лестрейд ждал нас у ресторана «Бертрандс» на Кингс-Роуд. Несмотря на ордер в кармане, он заметно нервничал в ожидании того момента, когда предстоит им воспользоваться, ибо разрешение на обыск досталось ему немалой кровью. В Скотленд-Ярде восприняли его просьбу без энтузиазма. Сэр Фрэнк Ладлэм, заместитель начальника полиции, сначала ответил отказом, напомнив, что доктор Морфиус — светило медицины и член Медицинского совета Великобритании. Прочие прямо говорили, что опасаются политических последствий или боятся за свою карьеру. Одним словом, у Морфиуса-старшего имелись очень влия-

тельные друзья, но авторитет, коим пользовался в полиции Шерлок Холмс, в конце концов сыграл решающую роль.

— Этот человек весьма знаменит, к тому же будущий политик, — сказал Лестрейд.

— К сожалению, преступность не ведаёт социальных границ, инспектор. Убийства совершают как богатые, так и бедные. А вы хотите быстрее покончить с этим делом?

— Разумеется.

— Тогда выполняйте мои указания, которые вы получили в телеграмме.

— Вы утверждаете, что вам известна личность убийцы по прозвищу Хирург-ловелас, мистер Холмс?

— Именно так.

— А чем вы это докажете?

— Доказательства находятся в доме, так что давайте не будем попусту терять время, а поспешим отыскать их!

Мы сели в кеб и поехали на Элм-Парк-Роуд. На этот раз дверь нам открыл малый по фамилии Уитти — личный секретарь доктора.

— Я детектив из Скотленд-Ярда, и у меня ордер на обыск этого домовладения, — строго объявил ему Лестрейд. — Доктор Морфиус у себя?

Оставив на крыльце констебля, Лестрейд потребовал, чтобы секретарь проводил его к хозяину, а Холмс тем временем побегал по лестнице наверх, где велел одной из горничных показать ему комнату Морфиуса-младшего. Я, конечно, не отставал.

С порога наше внимание привлекла массивная каминная полка, заваленная игрушками, что обычно тешат мужскую гордость: сабли, охотничьи ружья и

доспехи. Над зеркалом помещались вырезанные из дуба фигуры героев греческой мифологии. Модные гардины и тюлевые занавески обрамляли большие окна. Вход в ванную комнату был выполнен в виде изящной арки.

Горничная за дверью едва не рыдала. Холмс сначала рассмотрел коллекцию на каминной полке, а затем с явным удовольствием полез под диван, служивший юному джентльмену местом для ночного отдыха. Там он нашел то, что искал, ибо среди крикетных бит и другого спортивного инвентаря обнаружилось несколько кожаных чемоданчиков. Прихватив самый большой, Холмс поспешил вниз.

В гостиной сгустились тучи. Лестрейд строго и даже грубо запретил кому-либо выходить из комнаты, и, судя по ядовитым взглядам в сторону доктора Морфиуса, именно его он и считал главным преступником.

Доктор открыл свой золотой репетир, и сразу же часы на камине пробили полчаса. Это был старейшина нашей гильдии, обладающий гладстоновской энергией и выдержкой, прежде времени поседевший от забот, которые сопутствовали его высокому положению, и без пяти минут член парламента, ступающий на скользкий путь политической славы.

— Что все это значит, сэръ? — взорвался он, потеряв терпение. — По какому праву вы вторглись в мой дом?

Юный джентльмен стоял за спиной отца с невозмутимым видом, будто все происходящее его не касается, и прихорашивался — он поправил воротник, слегка ослабил галстук и стряхнул пылинки с рукава.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Хавершемская сорока.....	7
2. Хирург-ловелас	25
3. Исчезновение лорда Донерли	44
4. Каменный круг	63
5. Загадочная смерть Эмили Вудкок.....	79
6. Оловянная пуговица.....	92
7. «Общество посвященных».....	107
8. Скандал на Стритэмском кладбище	123
9. Черный экипаж.....	137
10. Арест Мортли Адамса.....	152
11. Тайна Хэмпстедской пустоши.....	167
12. Торговая компания «Тун Лай»	180
13. Огненный ритуал.....	200
14. Чайница миссис Мунн.....	210